

«ПЕРВЫЙ РЯД»

Вера Тёмная

18+

Вера Тёмная
Первый ряд

«Автор»

2026

Тёмная В.

Первый ряд / В. Тёмная — «Автор», 2026

Одна ночь. Один театр. Десять тайн. Бродвейская премьера в легендарном театре «Меркьюри» оборачивается ловушкой для избранных гостей первого ряда. Актер Саймон Леджер выходит на сцену и вместо роли произносит обвинительный монолог, раскрывая преступления каждого из десяти присутствующих — от фармацевтической магнатки до конгрессмена и священника. А затем стреляет себе в висок. Бывший детектив Винсент Кросс, сам оказавшийся в списке обвиняемых, понимает: пистолет был настоящим, Леджер — левша, а выстрел в правый висок не мог быть самоубийством. Театр заблокирован, связи нет, город парализован терактами. У Кросса есть одна ночь, чтобы найти убийцу среди девяти оставшихся — пока голос из динамиков не начал обратный отсчет до следующей смерти. Плотный детективный триллер в замкнутом пространстве, где каждый — подозреваемый, у каждого есть мотив, а правда опаснее лжи.

© Тёмная В., 2026

© Автор, 2026

Вера Тёмная

Первый ряд

ЧАСТЬ I. ДО ЗАНАВЕСА

Глава 1. Человек, который перестал смотреть в зеркала

18 апреля, пятница. 8:42 утра.

Винсент Кросс проснулся с чужим именем на губах.

Оно пришло из сна — короткого, рваного, из тех, что не запоминаешь, а чувствуешь. Пока чистил зубы, пытался его выловить. Не поймал. Сполоснул лицо ледяной водой и по привычке потянулся за полотенцем, не поднимая глаз к зеркалу.

Он не смотрелся в зеркала пятнадцать лет.

Полотенце висело на крючке слева от раковины. Он знал это с закрытыми глазами. Знал, что третий шкафчик на кухне скрипит, если открывать его одной рукой. Знал, что лампа над кроватью моргает дважды, прежде чем зажечься. Знал каждый чёртов дюйм своей квартиры-студии в Бруклине — потому что это был единственный мир, который он ещё мог контролировать.

Квартира находилась на четвёртом этаже без лифта. Дом номер 214 по Норфолк-стрит — кирпичная коробочка, зажата между прачечной и круглосуточным магазином. Винсент жил здесь одиннадцать лет. Переехал через год после того, как всё случилось. До этого была квартира попросторнее, в Верхнем Ист-Сайде, с видом на парк и женой по имени Кэтрин.

Теперь — двадцать восемь квадратных метров, продавленный диван, купленный на распродаже, и окно, выходящее на пожарную лестницу.

Он налил кофе в кружку с надписью «Лучший папа», хотя детей у него не было. Кружка досталась от прежних жильцов. Винсент не выбрасывал её по той же причине, по которой не смотрел в зеркала: не хотел видеть того, кто на самом деле пьёт из неё каждое утро.

На автоответчике мигал красный огонёк. Одно сообщение.

Винсент нажал кнопку.

Голос был женский, незнакомый, с лёгкой хрипотцой — как будто говорившая только что проснулась или, наоборот, не ложилась вовсе:

«Мистер Кросс, это Лора Шепард. Вы меня не знаете, но... Чёрт. Я звоню в четвёртый раз за неделю. Вы, наверное, не слушаете автоответчик. Или слушаете и просто не перезваниваете. Я бы тоже не перезванивала на вашем месте. Но мне больше не к кому обратиться. Дело касается театра “Меркьюри”. Сегодня вечером там будет убийство. Я не сумасшедшая. Пожалуйста, перезвоните.»

Она оставила номер. Винсент записал его на клочке бумаги, положил на стол и забыл о нём.

Бывший детектив убойного отдела, уволенный с позором, не бегаёт на звонки незнакомок. Особенно когда незнакомки говорят об убийствах до того, как они произошли. Он слишком хорошо знал этот тип людей. Город кишит ими. Телефонные пророки, предсказатели катастроф, сумасшедшие, которым кажется, что они слышат голоса жертв. За пятнадцать лет через его старый участок таких прошли десятки.

Лора Шепард могла быть любой из них.

Но имя — Шепард — почему-то засело в голове. Что-то знакомое. Он уже слышал его раньше, и не в новостях.

В девять часов он спустился за газетой.

Апрель в Нью-Йорке — время обманчивое. Солнце светит ярко, почти по-летнему, но ветер с Ист-Ривер режет лицо, как осколок стекла. Винсент шёл, подняв воротник старого пальто, и думал о том, что в пятницу вечером нормальные люди сидят в барах, а не перезванивают безумным незнакомкам.

У газетного киоска на углу Дилэнси стоял Чарли — вечный, как сам город. Он торговал прессой здесь тридцать лет и знал всех в квартале по именам.

— Кросс, — кивнул он, протягивая сложенный Times. — Слышал, сегодня большой вечер на Бродвее.

— Я не хожу в театры, Чарли.

— А я не хожу в оперу, но Моцарта ставлю по воскресеньям. Мы все лицемеры.

Винсент хмыкнул, расплатился мелочью и уже развернулся уходить, когда Чарли добавил:

— В «Меркьюри» сегодня премьера. Весь Манхэттен гудит. Синтия Блэквуд арендовала целый ряд. Ты знаешь, сколько стоит билет в партер, когда Блэквуд арендует ряд?

Винсент не знал. Но фамилия Блэквуд ударила его, как разряд тока.

Синтия Блэквуд. Фармацевтическая империя «Блэквуд-Фарма». Состояние — одиннадцать миллиардов долларов. И одно уголовное дело, которое так и не дошло до суда.

Пятнадцать лет назад Винсент Кросс сидел в участке и пил холодный кофе, когда на стол ему легла папка с грифом «Блэквуд». Десять погибших детей. Лекарство от лейкемии, не прошедшее должных испытаний. Кто-то наверху приказал закрыть дело. Винсент помнил, как швырнул папку в стену. Как разбил кружку. Как через неделю после этого застрелил двенадцатилетнего мальчика.

Связь была призрачной, алогичной, но в его голове — неразрывной. Дело Блэквуд — точка, с которой всё покатилося под откос.

Он вернулся в квартиру и нашёл клочок с номером Лоры Шепард.

Телефон прозвонил шесть раз. Винсент уже хотел бросить трубку, когда на том конце сняли.

— Вы позвонили, — сказала она. Голос был тот же, что на автоответчике, но теперь в нём слышалось облегчение. — Я думала, вы никогда не перезвоните.

— Я и не собирался. Что вам нужно, мисс Шепард?

— Сегодня вечером, — она заговорила быстро, словно боялась, что он повесит трубку, — в театре «Меркьюри» убьют человека. Я знаю, как это звучит. Я знаю, кто вы такой и почему ушли из полиции. И я знаю, что вы один из немногих, кто может это остановить.

— Откуда у вас информация?

— Я не могу сказать по телефону.

— Тогда я не могу помочь.

— Подождите! — она почти выкрикнула. — Приходите в театр. Сегодня. У меня есть билет. Первый ряд, девятое место. Я оставлю его на кассе на ваше имя. Просто придите, мистер Кросс. И вы всё поймёте сами.

— Девятое место? — он нахмурился. — Почему именно девятое?

Молчание.

— Потому что вы — девятый, — сказала она и повесила трубку.

Девятый.

Винсент сидел на продавленном диване и смотрел на телефон, словно тот мог заговорить снова. За окном гудел город. Где-то на Седьмой авеню, в сорока минутах ходьбы отсюда, стоял театр «Меркьюри» — обветшалый гигант 1920-х годов, переживший две реконструкции и дюжину скандалов. Его фасад украшали почерневшие от времени барельефы муз. Винсент проходил мимо много раз, но никогда не заходил внутрь.

Театр ассоциировался у него с вещами, которых он избегал: с красотой, с жизнью, с людьми, которые ещё не знали, что всё может рухнуть в один момент.

Он открыл газету.

На третьей полосе красовалась статья о премьере. «Реквием по мечте» — новая пьеса Джулиана Вейла, *enfant terrible* Бродвея, человека, который три года назад получил «Тони» и тут же публично назвал жюри «стадом безвкусовых импотентов». Фотография: Вейл стоял на фоне театра, скрестив руки, с выражением лица, которое Винсент много раз видел у обвиняемых. Смесь превосходства и страха.

Рядом — снимок актёра. Саймон Леджер, 34 года. Восходящая звезда. Красивое, чуть мальчишеское лицо с глазами человека, который знает больше, чем говорит.

Винсент отложил газету.

Он знал, что не пойдёт.

В 18:00 он стоял перед зеркалом в прихожей и застёгивал рубашку. Единственное зеркало в квартире, которое он не мог обойти — слишком узкий коридор. Он смотрел мимо своего лица, на воротник, на пуговицы, на галстук, который не надевал пять лет.

Зачем он это делал?

Ответ был простым и отвратительным. Лора Шепард знала про «девятого». Она знала что-то о нём, о Блэквуд, о списке, в котором он был девятым. И если сегодня вечером в театре «Меркьюри» действительно произойдёт убийство — он не сможет жить дальше, зная, что его предупредили, а он остался дома.

Он надел пальто. Проверил бумажник. Выключил свет.

Телефон зазвонил снова, когда он уже взялся за ручку двери.

Винсент замер.

Автоответчик включился. Тот же голос, Лора Шепард, но теперь — испуганный, срывающийся на шёпот:

«Мистер Кросс... Я ошиблась. Это не девятый. Это десятый. Вас не должно быть в списке. Пожалуйста, не приходите. Пожалуйста, ос...»

Сообщение оборвалось. Не гудками — тишиной. Как будто кто-то прижал рычаг.

Винсент посмотрел на часы. 18:42. До начала премьеры — сорок восемь минут.

Он открыл дверь и вышел в холодный апрельский вечер.

Конец первой главы

Глава 2. Фасад с трещиной

18 апреля, пятница. 19:02.

Театр «Меркьюри» вырос из темноты, как океанский лайнер, выброшенный на берег Манхэттена.

Винсент свернул с Седьмой авеню на Сорок пятую улицу и на мгновение остановился. Он не был здесь лет двадцать — с тех пор, как Кэтрин водила его на «Призрака оперы» в девяносто седьмом. Тогда он уснул во втором акте, а она дулась на него всю дорогу домой. Теперь он не мог вспомнить ни одной ноты из мюзикла, зато помнил запах её духов — что-то

с жасмином — и то, как она сказала, выходя из такси: «Ты совсем не умеешь отдыхать, Винс. Ты даже в театре кого-то высматриваешь.»

Он действительно высматривал. Привычка. Тогда — просто паранойя. Теперь — способ существования.

«Меркьюри» занимал почти полквартиры. Десять этажей тёмного кирпича, увенчанные куполом, который когда-то был медным, а теперь позеленел от времени. Фасад украшали барельефы: музы, смотревшие вниз пустыми глазами — время стёрло зрачки. Над центральным входом — массивный козырёк из кованого железа с буквой «М», увитой бронзовыми виноградными лозами. Три арочные двери, каждая высотой в два человеческих роста, были распахнуты настежь.

Сорок пятая улица бурлила. Такси высаживали пассажиров, мужчины в смокингах поправляли бабочки, женщины кутались в меха, хотя вечер был не по-апрельски тёплым. Вдоль тротуара выстроились лимузины — чёрные, приземистые, с тонированными стёклами. Где-то лаяла полицейская собака — в толпе мелькнули патрульные, и Винсент машинально отметил: усиление. Значит, ждут кого-то важного. Конгрессмен? Судья? Он ещё не знал, что в первом ряду будут оба.

У дверей театра толпились журналисты. Вспышки камер рвали темноту на клочки. К микрофонам жались телевизионщики — Винсент узнал логотип NY1 и ещё какого-то местного канала. В воздухе висел гул десятков голосов, смешанный с запахом дорогого табака, выхлопных газов и духов на масляной основе.

Он прошёл сквозь толпу, как нож сквозь масло. Люди расступались перед ним неосознанно — то ли из-за роста (метр восемьдесят семь, плечи ещё держали форму), то ли из-за взгляда, который за пятнадцать лет одиночества приобрёл какое-то почти физическое свойство. Взгляд, который говорил: я здесь не для того, чтобы развлекаться.

Билетёрша у центрального входа — полная женщина лет шестидесяти в бордовой ливрее с золотыми эполетами — преградила ему путь.

— Билет, сэр.

— Его должны были оставить на кассе. Фамилия Кросс.

Она сверилась с планшетом — бумажным, не электронным, что удивило Винсента: театр явно не тратился на технологии. Палец с аляповатым золотым кольцом скользнул по списку фамилий.

— Кросс... Да, вот. Девятое место, первый ряд. — Она подняла глаза, и в них мелькнуло что-то странное. Не узнавание — скорее, любопытство. — Вам повезло. Это лучшие места в зале. Синтия Блэквуд лично утверждала список.

— Список?

— Приглашённых гостей первого ряда. Только по её одобрению. — Женщина протянула ему билет — плотный картон кремового цвета с золотым тиснением. — Проходите. Гардероб направо. Шампанское в фойе перед началом. Второй звонок через пятнадцать минут.

Винсент взял билет.

Тот был тяжёлым — не как обычная бумажка из кассы, а как старая визитная карточка из тех, что заказывают в дорогих типографиях. По краю шла тонкая золотая рамка. В центре — название театра, дата, время начала: 19:30. И номер места: Ряд 1, Место 9.

Ниже — приписка от руки, синими чернилами, размашистым женским почерком:

«Девятый пришёл. Спектакль начинается.»

Винсент замер.

— Кто это написал? — спросил он, поднимая билет.

Билетёрша наклонилась, прищурилась.

— Понятия не имею. Билеты запечатывают в конверты. Я только выдаю.

— Кто запечатывает?

— Администратор. Мисс Шепард.

Внутри у Винсента всё сжалось. Лора Шепард. Та, что звонила. Та, что сказала не приходить. Та, чей голос оборвался на полуслове.

— Где она?

— Не знаю, сэр. Я не видела её с обеда. Может, в зале, может, за кулисами. У нас сегодня аншлаг, сами понимаете. Все носятся как угорелые.

— Найдите её.

Женщина растерянно заморгала.

— Сэр, я...

— Найдите её, — повторил Винсент тихо, но так, что билетёрша вдруг поняла: перед ней не просто гость. Она кивнула и торопливо засемила куда-то вглубь фойе.

Винсент остался у входа, сжимая билет в кулаке.

Девятый пришёл. Спектакль начинается.

Кто-то ждал его. Кто-то знал, что он будет здесь. И этот кто-то хотел, чтобы он знал: он — часть представления.

Он сдал пальто в гардероб и вошёл в фойе.

Пространство подавляло. Потолок уходил вверх на три этажа — точнее, уходил бы, если бы его не закрывал гигантский купол, расписанный фресками в стиле ар-деко. Обнажённые фигуры, увитые виноградными лозами, тянули руки к центру, где сияла хрустальная люстра размером с небольшой автомобиль. Свет преломлялся в подвесках, разбрасывая по стенам радужные зайчики.

Пол был выложен мраморной мозаикой — шахматная доска из белых и чёрных плит, стёртых тысячами ног. Вдоль стен стояли диваны, обитые потрескавшимся красным бархатом. Пахло пылью, воском для полов и чем-то ещё — сладковатым, почти тошнотворным, как застоявшиеся духи в комнате покойника.

Публика была под стать театру — старая нью-йоркская аристократия пополам с новой: банкиры, адвокаты, люди, чьи лица Винсент видел на страницах деловых газет. Они держали бокалы с шампанским и разговаривали вполголоса. Женщины сверкали бриллиантами, мужчины — дорогими запонками. Смокингов было больше, чем пиджаков.

Винсент в своём старом сером костюме чувствовал себя чужаком. Что, впрочем, было привычно.

Он взял бокал с подноса проходящего официанта — скорее для маскировки, чем из желания выпить — и медленно двинулся вдоль стены, изучая толпу.

В углу, под золочёной аркой, ведущей к ложе бенуара, стояла группа людей. Винсент сразу определил центр тяжести.

Синтия Блэквуд.

Она выглядела именно так, как на фотографиях, которые он изучал пятнадцать лет назад, когда вёл расследование. Высокая, сухая, с лицом хищной птицы — острые скулы, тонкий нос с горбинкой, глаза цвета оружейной стали. Ей было за шестьдесят, но пластическая хирургия поработала на совесть — кожа была натянута так туго, что лицо, казалось, вот-вот треснет. Она носила чёрное платье с высоким воротником — почти траурное — и единственное украшение: нитку жемчуга, каждая жемчужина размером с виноградину.

Рядом с ней стоял мужчина лет сорока пяти, одетый в идеально сидящий смокинг. Лицо было смутно знакомым — Винсент напряг память и вспомнил: конгрессмен Маркус Шоу. Тот самый, что два месяца назад объявил о выдвижении в мэры. Широкоплечий, с квадратной челюстью и улыбкой, которая не доходила до глаз. Он держал Блэквуд под локоть и что-то нащёптывал ей на ухо. Она слушала с выражением вежливой скуки.

Чуть поодаль, прислонившись к колонне, стоял ещё один человек, и он сразу привлёк внимание Винсента.

Не потому, что был выше или заметнее остальных — напротив, он был невысок, сутул, с впалой грудью. Но в его позе было что-то, что Винсент распознал мгновенно: поза человека, который наблюдает. Не участвует. Наблюдает.

Мужчине было около шестидесяти. Он носил сутану священника — чёрную, без единого пятнышка, с белым колораткой. Лицо худое, аскетичное, с глубокими складками вокруг рта. Волосы седые, зачёсанные назад. Глаза тёмные и неподвижные, как у рептилии.

Он не пил шампанское. Он просто стоял и смотрел на толпу — так же, как Винсент.

Взгляды их встретились. Священник чуть наклонил голову, словно узнавая, потом отвёл глаза. Но Винсент успел заметить: в этом взгляде не было ни тепла, ни смущения. Только расчёт.

— Отец Габриэль, — произнёс кто-то рядом.

Винсент обернулся. Рядом с ним стоял пожилой мужчина в потёртом смокинге, с бокалом в руке. Лицо — морщинистое, усталое, с сеткой лопнувших капилляров на носу. Похоже, он был из тех завсегдатаев, что приходят на премьеры не ради пьесы, а ради бесплатного шампанского.

— Прошу прощения?

— Священник, — мужчина кивнул в сторону колонны. — Отец Габриэль. Говорят, у него фонд по всей Африке. Приюты, больницы. Святой человек. Блэквуд его обожает. Говорят, он её духовник.

Винсент снова посмотрел на священника. Духовник. Это многое объясняло — и ничего не объясняло одновременно. Люди такого масштаба, как Блэквуд, не выбирают духовников случайно. Они выбирают тех, кто может быть полезен. А человек, построивший империю благотворительности, знает о деньгах столько же, сколько о душах. Возможно, больше.

— А вы? — спросил Винсент, поворачиваясь к собеседнику. — Вы кто?

— Генри Стил, — мужчина протянул руку. Ладонь была влажной и вялой. — Театральный критик. Times.

Винсент пожал руку и тут же отпустил.

— Вы, должно быть, ждёте сенсации?

— Я жду, когда Вейл опозорится, — усмехнулся Стил. — Третий год обещает шедевр. Первый акт его последней пьесы я уснул на пятнадцатой минуте и честно написал об этом в рецензии. Теперь он грозит меня засудить.

— Он здесь?

— Вейл? — Стил обвёл фойе рукой. — Где-то. Он всегда прячется перед премьерой. Говорят, пьёт в гримёрке. Или молится. Или и то и другое. Трудный человек. Гений, конечно, но трудный.

— Гении обычно такие.

— Вы его знаете?

— Нет, — сказал Винсент. — Я здесь впервые.

Стил прищурился, разглядывая его.

— Вы не похожи на театрала, мистер...

— Кросс.

— Мистер Кросс. Вы похожи на полицейского.

— Бывшего.

Стил понимающе кивнул — слишком быстро, слишком охотно, как человек, который коллекционирует сплетни.

— А, — сказал он. — Вы тот самый. Я читал о вас. Давно, правда. Очень давно.

Винсент ничего не ответил. Ему не хотелось обсуждать свою историю с театральным критиком, у которого глаза горели профессиональным интересом к чужой драме.

Стил хотел добавить что-то ещё, но его перебил гулкий звон колокольчика.

Второй звонок.

Толпа зашевелилась, потекла к дверям в зрительный зал. Официанты засуетились, собирая недопитые бокалы. Где-то за кулисами гулко хлопнула дверь — звук разнёсся по фойе, как выстрел.

Винсент допил шампанское одним глотком и поставил бокал на поднос.

— Приятного вечера, мистер Кросс, — сказал Стил, отступая в толпу. — Надеюсь, пьеса вам понравится.

— Я тоже надеюсь, — сказал Винсент, хотя знал, что этого не случится.

Двери в зал были высокими, обитыми красным бархатом. По бокам стояли капельдинеры — двое юношей в ливреях, похожих на ту, что носила билетёрша. Они проверяли билеты и указывали места с той особой, чуть презрительной вежливостью, которую вырабатывают только люди, работающие в дорогих театрах.

Винсент протянул свой билет. Капельдинер — молодой, с прыщавым лицом и слишком длинными рукавами — взглянул на номер места и заметно выпрямился.

— Первый ряд, сэр. Прошу за мной.

Они спустились по проходу. Зал «Меркьюри» был огромен: три яруса, обитые красным бархатом, ряды кресел, уходящие в темноту. Над головой нависала люстра — уменьшенная копия той, что висела в фойе. Сцена была закрыта тяжёлым занавесом цвета запёкшейся крови. По занавесу шла золотая вышивка — маски, лиры, виноградные лозы, сплетающиеся в сложный узор.

Первый ряд располагался так близко к сцене, что можно было коснуться рампы, вытянув руку. Десять кресел — широких, обитых тёмно-красным плюшем, с высокими спинками и золочёными подлокотниками. Каждое кресло — почти трон.

Семь из них уже были заняты.

Винсент шёл вдоль ряда, отмечая лица. Вот Синтия Блэквуд — уже сидит, прямая как штык, положив руки на подлокотники. Вот священник — Отец Габриэль — занял крайнее левое место, кресло номер один. Дальше — судья Малкольм Рид, седовласый мужчина с лицом, похожим на маску римского сенатора. Дальше — молодая женщина ослепительной красоты в алом платье (Ева Морроу, актриса; Винсент узнал её по обложке Vanity Fair, которую видел в супермаркете). Рядом с ней — пустое кресло, пятое по счёту. Кресло драматурга. Джулиан Вейл ещё не вышел.

Шестое кресло занимал Стил — он кивнул Винсенту с улыбкой заговорщика. Седьмое — конгрессмен Шоу, который, усевшись, сразу достал телефон и что-то печатал, пряча экран от соседей.

Восьмое место занимала пожилая женщина в жемчугах и сером платье — Лилиан Коул. Она сидела неподвижно, положив на колени маленькую сумочку из крокодиловой кожи, и смотрела прямо перед собой. Лицо — фарфоровое, бесстрастное, с той особой отстранённостью, которую дают либо очень большие деньги, либо очень большая утрата.

Девятое кресло — его.

Винсент остановился перед ним. На сиденье лежала программка — плотный буклет с надписью «Реквием по мечте». Он взял её, сел.

Кресло было мягким и пахло старой кожей.

Десятое место — рядом, справа от него — пустовало.

Винсент оглянулся. Зал заполнялся, но никто не шёл к десятому креслу. На его подлокотнике лежала ещё одна программка — такая же, как у всех. Винсент наклонился и прочитал имя, написанное на ней от руки:

Лора Шепард.

У него перехватило дыхание. Десятое место. Место, которого не должно было быть в списке. Место, о котором она говорила в последнем звонке.

Он поднял программку. Под ней лежал маленький свёрнутый листок бумаги — жёлтый, вырванный из блокнота.

Винсент развернул его.

Почерк был торопливый, буквы прыгали:

«Не верьте никому в этом ряду. Один из них уже убил меня. Осталось девять. Вы — следующий. Простите.»

Он сжал записку в кулаке.

Свет в зале начал гаснуть. Занавес дрогнул. Где-то в оркестровой яме скрипач провёл смычком по струнам — звук поднялся к потолку и растаял в темноте.

Третий звонок.

Спектакль начинался.

Глава 3. Акт первый: Анатомия тишины

18 апреля, пятница. 19:30.

Свет умер не сразу.

Люстра над залом угасала медленно — хрустальные подвески гасли одна за другой, словно кто-то невидимый гасил свечи. Тени напоздали на первый ряд, на бархат кресел, на лица зрителей. Зал погружался в темноту плавно, почти торжественно, и Винсент Кросс почувствовал, как пространство вокруг него меняет свои свойства.

Воздух стал плотнее. Тишина — глубже.

Он сидел в кресле номер девять, сжимая в кулаке записку Лоры Шепард. Бумага уже нагрелась от его ладони. Слова пульсировали в голове, как второй пульс: «Один из них уже убил меня. Осталось девять. Вы — следующий.»

Он заставил себя разжать пальцы.

Девять. Включая его — девять человек в первом ряду. Десятое кресло пустовало. Но Лора Шепард писала так, будто была жива, когда оставляла записку. Или это ловушка? Или кто-то написал это за неё?

Времени на размышления не оставалось. Оркестровая яма ожила.

Первые ноты были низкими — виолончель и контрабас сплелись в долгий, тягучий звук, похожий на дыхание огромного зверя. К ним присоединился альт — чуть выше, тревожнее. Мелодия не была красивой в привычном смысле. Она была... неправильной. Диссонанс прятался внутри гармонии, как трещина внутри фарфоровой чашки. Зрители в зале замерли.

Винсент знал музыку. Кэтрин когда-то таскала его в «Метрополитен-опера», и он, чтобы не скучать, научился разбираться в оркестре. Он мог отличить Моцарта от Малера, мажор от

минора, живую игру от фонограммы. То, что звучало сейчас, было живым. И то, что звучало сейчас, не было написано для удовольствия.

Это был реквием.

Струнные нарастали. К ним добавился фагот — его голос, низкий и носовой, вплёлся в мелодию, как нить в ткань. Где-то в глубине оркестровой ямы ударник поднял палочки.

Занавес дрогнул и пополз в стороны.

Сцена открылась не сразу. Сначала зрители увидели только свет — одинокий луч прожектора, упавший на авансцену. Луч был холодным, почти лунным, и в нём танцевали пылинки.

Посреди светового пятна стоял стул.

Простой деревянный стул с прямой спинкой — такой, какие бывают в школьных классах или полицейских участках. Никаких декораций. Никаких задников. Только стул, залитый белым светом, и бесконечная темнота вокруг.

Тишина.

Оркестр умолк так внезапно, что Винсент услышал собственное сердцебиение. Зал затаил дыхание. Прошла секунда. Пять. Десять. Тишина становилась невыносимой — люди начинали ёрзать, кто-то кашлянул, кто-то нервно хрустнул пальцами.

И тогда из темноты вышел человек.

Он появился не из-за кулис — он вышел прямо из мрака в глубине сцены, словно темнота сама породила его. Высокий, худой, в простой белой рубашке без воротника и чёрных брюках. Босой. Волосы — светлые, почти льняные — были взъерошены. Лицо — бледное, с резкими тенями под скулами.

Саймон Леджер.

Он двигался медленно, но не неуверенно. Скорее, с той особой грацией, какая бывает у хищников перед прыжком. Каждый шаг отдавался эхом от стен. Он подошёл к стулу, но не сел. Остановился рядом, положил руку на спинку и поднял глаза к залу.

Винсент сидел так близко, что мог видеть мельчайшие детали: капельку пота на виске, пульсирующую жилку на шее, красные прожилки в белках глаз. Леджер не выглядел как актёр, готовящийся играть роль. Он выглядел как человек, который не спал трое суток.

И когда он заговорил, Винсент понял: это не пьеса.

Голос Леджера был низким, чуть хриплым — голосом человека, который долго молчал и теперь разучился говорить нормально. Но каждое слово падало в тишину, как камень в воду.

— Вы пришли, — сказал он, глядя прямо в первый ряд. — Все вы. Я знал, что придёте. Вы не могли не прийти. Потому что каждый из вас хочет знать... знает ли кто-то ещё.

Он сделал паузу. Долгую. Мучительную. Уголки его губ дрогнули — не улыбка, скорее судорога.

— Знает ли кто-то ещё о том, что вы сделали.

Винсент почувствовал, как соседка слева — Лилиан Коул — чуть пошевелилась. Её пальцы сильнее сжали сумочку. Справа, через пустое кресло, Синтия Блэквуд сидела неподвижно, но её дыхание стало чуть более частым. Винсент видел это по тому, как поднималась и опускалась нитка жемчуга на её груди.

Леджер обошёл стул и сел — медленно, почти ритуально. Теперь он оказался лицом к лицу с первым рядом. Расстояние между сценой и креслами было не больше метра. Он мог бы дотянуться до них рукой.

— Я расскажу вам историю, — сказал он, и его голос вдруг стал мягче, почти интимно. — Историю о десяти людях, которых пригласили на ужин. Вы знаете эту сказку? Нет, не ту, что вы подумали. Не Агату Кристи. Гораздо старше. Гораздо страшнее.

Он откинулся на спинку стула. Свет над ним чуть изменился — стал теплее, золотистее. Где-то за кулисами едва слышно зазвучала скрипка.

— Жил-был человек, который верил в справедливость. Он был молод и глуп, как все молодые и глупые люди. Он думал, что мир устроен правильно. Что плохие наказаны, а хорошие вознаграждены. Что правда побеждает. Что ложь разоблачают.

Леджер усмехнулся — коротко, горько.

— А потом он увидел... — актёр наклонился вперёд, уперев локти в колени, и его голос стал шёпотом, который, однако, разносился по всему залу. — ...десять гробов. И в каждом гробу лежала правда. Десять правд, которые никто никогда не рассказал. Десять преступлений, за которые никто никогда не ответил.

Он выпрямился и обвёл глазами первый ряд.

— Хотите услышать первую?

Зал молчал. Кто-то сзади нервно хихикнул, но осёкся. Это была не шутка. Все чувствовали: происходит что-то не то. Что-то, чего не было в программке.

Винсент быстро раскрыл буклет, который держал в левой руке. «Реквием по мечте. Пьеса в двух актах. Автор — Джулиан Вейл». Программка сообщала, что действие происходит в «условном пространстве», что пьеса — «метафорическое исследование вины и памяти». Никаких десяти гробов. Никаких десяти преступлений. Монолог Леджера не имел ничего общего с напечатанным синопсисом.

— Первая правда, — произнёс Леджер, и его голос зазвучал громче, наполняя зал. — Жила-была женщина. Очень богатая женщина. Она владела империей. Империей здоровья.

Она обещала людям исцеление. Она клялась, что её лекарство спасёт детей. Четырнадцать детей.

Винсент перевёл взгляд на Синтию Блэквуд.

Та сидела, вцепившись в подлокотники. Лицо — маска. Но костяшки пальцев побелели.

— Четырнадцать детей, — повторил Леджер. — Четырнадцать маленьких гробов. Она знала, что лекарство не готово. Она знала, что испытания провалены. Но сроки поджимали. Акции должны были расти. И она сказала: «Продолжайте».

Тишина. Нарушаемая только дыханием сотен людей.

— Её зовут... — Леджер поднял руку и указал пальцем прямо в первый ряд. — ...Синтия Блэквуд. Первый ряд. Третье кресло.

Зал ахнул.

Кто-то вскочил с места. Вспыхнул свет чьего-то телефона. Послышались возгласы, шёпот, шарканье ног. Но Леджер поднял руку, и оркестр ответил резким аккордом — диссонансным, пугающим, — который заставил всех замереть.

Синтия Блэквуд не двинулась с места. Она смотрела на Леджера, и её глаза горели холодной яростью. Винсент видел такое лицо однажды — у подозреваемого, который решал, нападать ему или бежать.

— Вы лжёте, — произнесла она тихо, но в тишине зала её голос прозвучал отчётливо.

Леджер улыбнулся — впервые по-настоящему. Улыбка была жуткой, потому что в ней не было торжества. Только печаль.

— Нет, миссис Блэквуд. Я не лгу. Я — единственный человек на этой сцене, который говорит правду. И я только начал.

Он поднялся со стула. Прожектор расширил луч, захватывая всю авансцену.

— Вторая правда, — объявил он, и его голос загремел, как голос прокурора на процессе. — Жил-был судья. Он носил мантию и говорил о законе. О справедливости. Он отправлял людей в тюрьму за мелкие кражи и рукоплескал сам себе. Но когда его собственный сын сбил человека — молодую женщину, двадцать три года, — судья взял телефон, позвонил кому надо, и дело исчезло. Как не было. А сын на следующее утро пил апельсиновый сок и смеялся.

Судья Малкольм Рид — седовласый, величественный — медленно поднялся с кресла номер два. Он был высок, широк в плечах, и его лицо не выражало страха. Только презрение.

— Немедленно прекратите этот балаган, — произнёс он тоном, каким, должно быть, закрывал заседания. — Это клевета. Я подам в суд.

— Вы уже в суде, ваша честь, — ответил Леджер. — И присяжные здесь — все, кто сидит в этом зале.

По рядам прокатилась волна шёпота. Зрители переглядывались. Кто-то достал телефон и начал снимать. Капельдинеры у дверей замерли, не зная, что делать.

Леджер повернулся к третьему креслу — туда, где сидел Отец Габриэль.

Священник не двигался. Его тёмные глаза были устремлены на актёра с выражением, которое Винсент не мог расшифровать. Это не был страх. Не был гнев. Это было... любопытство?

— Третья правда, — сказал Леджер, и в его голосе появилась новая нота — что-то почти нежное, что делало следующие слова ещё ужаснее. — Жил-был святой человек. Так все думали. Он строил приюты. Он кормил голодных. Он собирал пожертвования и летал в Африку. Но была у него одна слабость. Маленькая слабость. Он находил молодых женщин — незаконных мигранток, без денег, без защиты — и говорил им: «Я помогу. Отдайте мне ребёнка, и я найду ему хорошую семью. Богатую семью. А вы получите деньги и новую жизнь».

Леджер сделал паузу.

— Он не помогал. Он продавал. Двадцать семь младенцев за десять лет. Двадцать семь. По триста тысяч долларов за каждого. Неплохой бизнес для святого человека, не правда ли?

Отец Габриэль не шелохнулся. Только его правая рука медленно сжалась в кулак на колене. Винсент заметил это — привычка подмечать детали, которую не убить даже пятнадцатью годами без практики.

— Его зовут... — Леджер поднял руку. — ...Отец Габриэль. Первое кресло. Крайнее слева. Сидит и думает, знает ли кто-то о счёте на Каймановых островах.

По залу прокатился гул. Теперь уже никто не сомневался: это не пьеса. Это казнь.

Винсент переводил взгляд с одного лица на другое. Синтия Блэквуд — холодная ярость. Судья Рид — презрение, смешанное с неуверенностью. Отец Габриэль — ледяное спокойствие, которое пугало больше, чем любая эмоция. Они все знали. Они все понимали: слова Леджера — правда.

Но откуда он знал? Кто дал ему эту информацию? Лора Шепард? Или кто-то ещё?

Леджер тем временем повернулся к четвёртому креслу — туда, где сидела Ева Морроу, молодая актриса в алом платье. Она была бледна как полотно. Её руки дрожали. Винсент видел, как она пытается сохранить самообладание, но у неё не получалось. Она знала, что сейчас произойдёт.

— Четвёртая правда, — сказал Леджер, и его голос стал почти ласковым. — Жила-была молодая актриса. Талантливая. Красивая. Амбициозная. Она хотела славы. Больше всего на свете. И однажды ей предложили роль. Главную роль. Но была одна проблема: роль обещали другой. Её подруге.

Ева закрыла глаза.

— И тогда наша актриса пошла к драматургу. Ночью. В его гримёрку. И сказала: «Я сделаю всё, что угодно». И она сделала. А на следующее утро её подруга получила анонимное письмо с обвинением в плагиате. Плагиата не было. Но письмо попало в прессу. И карьера подруги закончилась. А через три месяца закончилась и её жизнь — она выбросилась из окна двенадцатого этажа.

Леджер посмотрел прямо на Еву.

— Её зовут Ева Морроу. Четвёртое кресло. Сидит и думает, стоит ли алое платье того, что она сделала.

Ева не выдержала. Она вскочила, закрыв лицо руками, и бросилась к проходу. Но капель-динер преградил ей путь — то ли по инструкции, то ли по собственной инициативе. Она замерла, как загнанное животное, и Винсент увидел в её глазах ужас, смешанный с чем-то ещё. С облегчением? Словно она ждала этого разоблачения много лет.

— Сядьте, — сказал Леджер. — Сядьте, мисс Морроу. Это ещё не всё. У нас впереди много интересного. Вы не хотите пропустить финал.

Ева медленно, как во сне, вернулась в кресло. Её плечи тряслись.

Винсент смотрел на Леджера. Актёр двигался по сцене, как заведённый, но в его глазах Винсент видел что-то, что не вязалось с образом разоблачителя. Это не был гнев. Не был триумф. Это была... боль. Глубокая, застарелая, как незаживающая рана.

Что-то личное. Что-то, что связывало Леджера с этими людьми.

И тут Винсент понял: он смотрит не на актёра, играющего роль. Он смотрит на человека, который пришёл свести счёты.

— Пятая правда, — сказал Леджер, поворачиваясь к пятому креслу. Пустому. — Пятое кресло занял бы драматург. Автор этой пьесы. Джулиан Вейл. Но он не пришёл. Он прячется за кулисами. Пьёт виски. Думает, что он в безопасности.

Леджер усмехнулся.

— Он ошибается.

Актёр подошёл к краю сцены и посмотрел куда-то за левые кулисы — туда, где, по-видимому, находилась гримёрка.

— Джулиан Вейл украл эту пьесу. Вы все думаете, что он гений? Он не гений. Он вор. Двенадцать лет назад в Колумбийском университете учился студент. Звали его Александр Ковальски. Он написал пьесу. Настоящую. Гениальную. И показал её своему преподавателю — молодому, амбициозному, который сам мечтал писать, но не мог.

Леджер повысил голос.

— Преподаватель сказал: «Это слабо. Это никуда не годится». И посоветовал забыть о пьесе. А через полгода Александр Ковальски погиб — несчастный случай в метро. Упал на рельсы. Свидетелей не было.

В зале стало очень тихо.

— А ещё через год преподаватель опубликовал пьесу. Почти ту же самую. Чуть-чуть изменённую. И стал знаменитым. Его зовут Джулиан Вейл. Пятое кресло. Пустое. Пока.

Винсент посмотрел на пустое кресло. Программка всё ещё лежала на сиденье — нетронутая. Джулиан Вейл не пришёл. Знал ли он, что Леджер скажет это? Или прячется по другой причине?

Леджер перевёл дыхание. Его лицо блестело от пота. Грудь тяжело вздымалась. Но он продолжал.

— Шестая правда.

Он указал на кресло номер шесть. Там сидел Генри Стил — театральный критик, который полчаса назад пил шампанское и собирал сплетни. Теперь его лицо было серым.

— Жил-был критик. Он решал, кому жить, а кому умереть — на сцене, разумеется. Он писал рецензии, и его слово могло поднять пьесу до небес или утопить её в дерьме. Это власть. Огромная власть. И он ею пользовался.

Стил нервно облизал губы.

— Семнадцать карьер. Семнадцать актёров, режиссёров, драматургов. Они приходили к нему и умоляли: «Дайте нам шанс. Мы сделаем всё, что угодно». И он говорил: «Хорошо». И называл цену. Не деньги. Деньги — это скучно. Он просил унижения. Он просил, чтобы они стояли перед ним на коленях. И они стояли.

Леджер сделал шаг к краю сцены.

— А потом он всё равно писал разгромные рецензии. Потому что ему нравилось смотреть, как они падают. Его зовут Генри Стил. Шестое кресло. Сидит и думает: «Кто рассказал? Кто из них посмел?»

Стил вскочил.

— Это ложь! — выкрикнул он, брызгая слюной. — Вы не докажете!

— Мне не нужно доказывать, — спокойно ответил Леджер. — Мне достаточно сказать.

И в этой фразе было столько правды, что Стил осёкся и рухнул обратно в кресло.

Винсент смотрел на происходящее и пытался сложить картину. Шесть обвинений. Шесть человек — или пять с учётом отсутствующего Вейла. Все они были связаны невидимой нитью. Но где точка пересечения? Что объединяло фармацевтическую королеву, продажного судью, торговца детьми, актрису-предательницу, плагиатора и критика-садиста?

Он не успел додумать, потому что Леджер повернулся к седьмому креслу.

Конгрессмен Маркус Шоу сидел, вжавшись в спинку. Его квадратная челюсть была сжата так, что желваки ходили под кожей. Телефон он уже убрал.

— Седьмая правда, — произнёс Леджер, и его голос упал почти до шёпота. — Жил-был политик. Он говорил о законе и порядке. О защите женщин. О справедливости. Он хотел стать мэром. Может быть, даже больше. Вы все знаете его лицо. Оно на плакатах по всему городу. «Маркус Шоу — голос перемен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.